

Хината был почти у дверей своего магазина, когда его внимание было прервано парой дамочек средних лет, элегантно одетых в скромные кимоно-комон и ожы, чтобы соответствовать мягкой осенней погоде.

"Чикафудж-кун, давай, давай." Одна из дамочек маняла вниз щелчком ухоженной руки.

Он заставил вежливо улыбнуться и поприветствовал Хонда-обасана (как он называл мать господина Хонда) с уважительным поклоном.

Она была одним из его постоянных покровителей, которые предпочитали упрощенные комоны и элегантные аксессуары. Он заметил, как маргаритка-чесальница молодой девушки держала свои грубые волосы. Она купила его у него за неделю до этого вместе с другими милыми вещами. Это заставило его задуматься, кто покупал книги и какую цену они за них платили.

Женщина рядом с Хонда-обасан была тихой и сдержанной женой господина Сакамото. Она всегда стояла на несколько шагов назад и держала себя менее заметной, при этом ее прижимал комон серого серого серого и маленького узора к ткани. Ее волосы были практически завязаны в булочку с полоской ткани.

"Сын господина Исиавы вернулся, но не покинул свой дом. Господин Асако сказал, что мужчина пошел в свою комнату и не вышел. Я сочувствую бедняге, - сказала Хонда-обасан, взглянув в его глаза с намеком.

У Хинаты расширилась вынужденная улыбка, и она увидела, к чему это привело. "Я уверена, что он всплывет, когда будет готов".

"Бедняжка. Должно быть, видел многое и имел дело с этими инородными зверями. Кто-то помоложе был бы для него более дружелюбным ухом."

Хината вздохнул. "Конечно, если он захочет поговорить со мной."

"Если бы вы могли поговорить с ним, узнать, что его беспокоит, это очень помогло бы господину Асако. Ты хороший мальчик. Дай-чан гордился бы тобой." Хонда-обасан весело потянул его за щеку, как будто он был ребёнком.

Хината умудрился вытянуть его за щеку. Он придумал какой-то предлог, чтобы вернуться в свой магазин, и выдохнул с облегчением, когда закрыл за собой дверь магазина.

"Этот обасан". Он снова вздохнул.

"Моя мать пыталась наманить тебя, чтобы ты опять сплетничал?"

Хината сгладил кимоно и уложил свой сложенный зонтик в сине-белый фарфоровый горшок с узором бонсай возле стеклянной двери, где кандзи для его магазина с господином Хонда был профессионально окрашен в золото.

"Господин Хонда, я уверен, что ваша мать заботится только о сыне господина Исикава", - ответил он мужчине, который представлял собой идеальный образ стоического господина, одетый в простой галстук между пуговицей жилета паву, который пролегал по длине его тощего туловища.

Его серая рубашка с длинными рукавами была надежно закреплена вокруг запястий, с латунными запонками, а соответствующие брюки в костюме хорошо сочетались с его длинными ногами.

Он сидел за деревянным столом председателя, который служил их общим прилавком.

В одном из углов стола была подперта латунная касса (с выгравированным преувеличением узора из виноградных листьев). Там все еще проходила распродажа Хонда-обасана.

Хината вздохнул, удивившись, о чем думал его дядя, когда оплатил дорогой лондонский кассы, которые стоили больше, чем сам магазин.

"Конечно, и я уверен, что она готова открыто поделиться своими опасениями со всеми остальными женщинами деревни", - прокомментировала Акира Хонда бессловесным голосом.

Он стал преемником магазина от своего покойного отца. Это позволило его матери больше времени бездельничать с господином Сакамото в магазине сладостей Исикавы.

Три жены из бакалейной лавки, книжного магазина и магазина сладостей были друзьями детства, так что все в деревне нагло прозвали их "тремя маленькими горничными из школы". В связи с сатирической американской пьесой на сцене. В Общественном зале однажды выступала труппа из Куми.

"Я не сомневаюсь, что она попросила вас подружиться с сыном господина Исикавы, чтобы подумать о войне", - продолжил он.

Его внимание было приковано к открытой книге, которую он читал.

Хината взглянул на иностранный печатный текст книги, который, как он вспомнил, Эйдзи говорил по-английски. Он был для него чуждым языком, как немецкий. По крайней мере, на мандаринском наречии он мог угадать пару слов из кандзи.

Он нахмурился. Нет сомнений в том, что Акира был таким же академическим гением, как и

Эйдзи, но его предположения о матери приводили его в замешательство.

"Она не делала этого. Даже если бы и сделала, это было бы неуместно". Он закрыл дискуссию по этому вопросу своим ответом и перенес их разговор на более безопасные темы.

Он заметил мягкие черты Акиры во время их разговора.

Мужчина был красив, как Эйдзи, с темными миндальными глазами, расслабленными за тонкими очками, которые уравнивались на пуговичном носу. Нежно изогнутая линия подбородка поддерживала тонкие губы и имела овальный контур до маленьких ушей, о чем свидетельствовал его аккуратный короткий урожай черных волос.

Акира поднял глаза, так что его внимание было полностью сосредоточено на Хинате.

Он отчистил пряди своей тонкой бахромы от бровей. Подправил очки, чтобы лучше рассмотреть стройное лицо партнера по магазину, полные губы закрыты сдержанным выражением лица и мягкие круглые глаза. Хината был его идеальным образом Ямато надехико.

"Ты всё ещё тоскуешь по господину Такаки?" - спокойно спросил он.

Хината вздохнул и вернул свой комментарий с вынужденной улыбкой. "Он всё ещё жив, пока я не буду знать наверняка, что это не так".

Акира с вздохом закрыл книгу и стоял рядом с Хинатой.

Оба они были спрятаны за вешалкой точно повешенной японской одежды и западной моды брюк плиссированных юбок, платьев линии А, набитых в плечи, брюк из практичного серого или хлопка хаки, рубашек и одногрудных пиджаков, которые можно было легко подобрать по размеру.

Хината проклинал, что его сердце бьется быстро, когда Акира нежно поглаживал его по щеке. Он схватил его за руку, прежде чем она смогла продвинуться дальше вниз по лицу.

Если бы Эйдзи не было в его сердце, не было бы сомнений, что он принял бы чувства Акиры, и они бы встречались. Так и было...

"Пожалуйста, я уже говорил тебе, что это нехорошо". Мое сердце принадлежит господину Эйдзи."

"Он мёртв, Чикафудж-кун, иначе ты бы не отправился в путешествие к семье Охака. Я здесь для тебя прямо сейчас. Ты не примешь меня?" Акира вздрогнул, предав отчаяние своему

вопросу.

"Мне жаль". Хината вздохнул с угрызениями совести и уехал, чтобы возобновить свои обычные дела в магазине.

Акира вздохнул с глубоким вздохом и бросил дело. Он вернулся на свое место за столом и открыл книгу, чтобы продолжить чтение.

Через некоторое время в магазине зазвенел колокол, чтобы объявить о приходе посетителя. Хината задыхался, когда узнал солдата, который передал ему письмо Эйдзи.

"Ты!" Он случайно размыл и ударил рукой по рту.

"Юрий-сан". Акира признал этого человека невозмутимым, не сдвинувшись с места за столом и не уделив внимания его книге.

"Юрий-сан? Ты старший брат Мей-сан?" Хината мягко спросил человека, который уже не носит форму, а одет в западную рубашку с длинными рукавами, брюки и сапоги.

Его лоб был спрятан за кепкой. На его шее был виден грубый серебряный шрам во всю длину.

Юрий-сан ответил кивком. "Мой отец сказал, что я отвезу тебя в Охаку твоей семьи в Коуми".

Хината кивнул и предположил, что сейчас подходящее время. Это очистило бы воздух между Акирой и самим собой.

Акира неохотно согласился присмотреть за магазином в обмен на ужин. Хината кивнул и взял свой дневной зонтик.

Юрий последовал за Хинатой из магазина, обратив внимание на стройную фигурку мужчины в кимоно.

"Он действительно жена Такаки". Он подумал, что, наблюдая за тем, как Хината ходит со скрупулезной осанкой и балетными шагами.

Он видел много женщин во время войны, но ни одна из них не двигалась так элегантно, как Хината. Романтическая тоска Эйдзи по мужчине была понятна.

Юрий отвез Хинату к себе домой на пикапе, чтобы они могли собрать урну Эйдзи, ведро с водой и подношения.

Затем они отправились по грунтовой улице, раздувая за собой облака сажи, когда покидали деревню.

Они проезжали мимо зеленых пастбищ, ожесточенного кустарника огненно-красных, оранжевых, кроваво-красных и желтых кленовых и сливовых деревьев, гордо растущих по обочинам ухабистой дороги, по которой они ехали.

Несколько раз Хината должен был крепко обнять урну Эйдзи за грудь от падения, когда он страдал от маньякального вождения Юрия с пассажирского сиденья. Он задавался вопросом, так ли это в армии.

Юрий молчал, когда ехал.

Хината не хотел нарушать концентрацию человека. Его глаза не могли не взглянуть на шрам на шее, задаваясь вопросом, не страдал ли Эйдзи от подобных шрамов с тех пор.

Его сердце билось, когда его разум был наполнен воспоминаниями, содержащими их жизнь. Он упрямо держался за свою надежду на то, что Эйдзи будет жив, несмотря на то, что отправился в путь к своей могиле.

"Мы почти на месте". Голос Юрия пробил мысли Хинаты.

Глаза Хинаты трепетали от вида солнца, мягко заходящего за неровный контур гор Тенгу. Он зевнул, не осознавая, что заснул.

Грузовик направился по избитой тропе к ухоженному месту захоронения среди красочных цветущих вишневых и сливовых деревьев.

Он заскочил на остановку перед местом с облаками пыли, оседающими над гравийной дорожкой.

"Я подожду здесь", - сказал Юрий, откинувшись назад на сиденье и опустив шапку над глазами, чтобы немного заткнуться.

Хината покинул грузовик с урной, которую с любовью держали в одной руке, а в другой - с подношениями и болью от воды.

Он совершил своё издевательство у входа на площадку. Затем трезво доехал до Охаки своей семьи, уютно устроившись в идиллической обстановке крапивного куста и молодых розово-белых вишневых деревьев.

Имя Эйдзи было свежевыгравировано на гранитной табличке, на которой держали его дядю и

других предков. Он вздохнул, когда увидел свое имя красным рядом с именем Эйдзи.

Он раскачал свой разум, освободившись от темных мыслей, и выполнил свои обязанности по очистке могилы и размещению подношений.

Его руки дрожали, и слезы выскальзывали из его глаз, когда он поднимал камень туда, где находились урны его дяди и родственника.

Мысль о том, чтобы отпустить Эйдзи в преисподнюю, наконец, поразила его.

Он обнял урну за грудь с упрямством не отпускать.

Это было неправильно. Эйдзи должен был жить с ним; они состарились и вместе ушли в преисподнюю. Его сердце стучало в грудь, и кровь стекала к его голове. Слезы ужалили его глаза и заставили его щеки вспыхнуть, как горячий беспорядок.

"Я скучаю по тебе". Он плакал снова и снова, цепляясь за урну.

Солнце долго садилось, когда он, наконец, отпустил, аккуратно поставив урну рядом с дядей. Он запечатал могилу и зажег ладан, назвав имя своего возлюбленного в молитве.

"Подождите меня, Эйдзи-сан". Хината закрыл молитву.

Он встал и осторожно вернулся к пикапу.

<http://tl.rulate.ru/book/37155/814967>